

Социальная политика движений «Талибан» и «Хизбалла» как способ их легитимации

МАРГАРИТА
МЕДВЕДЕВА

Нынешний международный порядок был создан по образу и подобию западных национальных государств (*nation-states*), ставших его базовыми кирпичиками. Вооруженные политические движения не вписываются в эту систему и поэтому считаются болезненным отклонением от нормы. Но национальное государство в разных частях планеты укоренено не одинаково. Постоянная турбулентность ближневосточного региона, представляя собой по-настоящему большую проблему, все же должна рассматриваться в качестве симптома, а не болезни. Болезнь же, как полагают многие, – *искусственная* для этих территорий структура национальных государств. Так, находящийся в турецкой тюрьме Абдулла Оджалан, указывая на обилие племен, народов и этносов, сравнивает Ближний Восток с лоскутным одеялом. По его мнению, национальное государство в таких условиях выступает неиссякаемым источником межнациональных конфликтов и притеснений меньшинств. В качестве альтернативы лидер Курдской рабочей партии предлагает формат демократической конфедерации, где на смену нынешнему государству придет кооперация низовых сетей гражданского общества¹. Вооруженные негосударственные акторы, действующие в целом ряде ближневосточных стран, и есть, по сути, упоминаемые им низовые сети – пусть даже милитаризованные и потому не совсем стандартные. В ряду тех из них, кто более или менее успешно действует еще с прошлого века, видное место занимают два движения: афганский «Талибан» и ливанская «Хизбалла»². В контексте той международной политики, которая ведется в регионе в последние десятилетия (особенно «великими державами»), столь долгий срок жизни этих группировок может показаться странным. Попробуем разобраться, в чем преимущества избранного ими организа-

Мargarita Александровна Медведева (р. 1997) – магистрант факультета социальных наук (направление «Political Analysis and Public Policy») Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

1 Подробнее об идеях Оджалана и попытке их воплощения в современной Сирии см.: *Жизнь без государства: революция в Курдистане* / Сост. Д. ОКРЕСТ, Д. ПЕТРОВ, М. ЛЕБСКИЙ. М.: Common place, 2017.

2 В Российской Федерации движение «Талибан» признано террористической организацией, деятельность которой запрещена.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЛЕГИТИМНОСТЬ

Согласно классической формулировке, «социальная политика – это та часть публичной политики, которая отвечает за решение социальных проблем»³. Социальные проблемы возникают там, где есть социум, поэтому, как только негосударственный актор берет под свой контроль те или иные обитаемые территории, на его плечи ложится забота о населяющих их людях. (Разумеется, в данном случае речь идет о политических движениях, которые ориентированы на удержание территорий и сохранение власти над ними, а не просто на совершение террористических актов, сопровождаемое какими-то разовыми политическими требованиями.) Невозможно сохранять контроль над большими территориями без согласия, пусть даже молчаливого, проживающих там людей⁴. Важно подчеркнуть, что страх выступает лишь одним из факторов такого согласия; другим, не менее важным, фактором оказывается восполнение негосударственными акторами пробелов и недоработок, оставленных государством. После захвата Мосула «Исламским государством»⁵ три четверти жителей этого – более чем полтора миллиона – города остались в местах своего проживания, причем около 35% из них свидетельствуют, что город в те дни был чище и безопасней, чем при иракской национальной администрации⁶. Сказанное, разумеется, ни в коем случае не оправдывает чудовищные жестокости, совершенные джихадистами на территории Ирака. Однако констатация этой истины не отменяет другое важное наблюдение: кровожадность того или иного режима отнюдь не сводит на нет его эффективность в вопросах, например, жизнеобеспечения или правопорядка. Этот тезис можно и усилить: не исключено, что именно негуманные методы помогают социальным акторам, подобным «Исламскому государству», превзойти официальные государства, с которыми джихадисты конкурируют. Впрочем, за рамками этой догадки необходимо упомянуть и иные причины, обеспечивающие вооруженным политическим движениям успехи в социальной политике.

3 VARGAS-HERNÁNDEZ H., NORUZI M., HAJ ALI IRANI F. *What Is Policy, Social Policy and Social Policy Changing* // International Journal of Business and Social Science. 2011. Vol. 2. № 10. P. 3.

4 Подробнее см.: REVKIN M.R. *Competitive Governance and Displacement Decisions under Rebel Rule: Evidence from the Islamic State in Iraq* // The Journal of Conflict Resolution. 2021. Vol. 65. № 1. P. 46–80.

5 В Российской Федерации «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность которой запрещена.

6 REVKIN M.R. *Op. cit.* P. 48.

Прежде всего, подобные негосударственные организации не обременены раздутым бюрократическим аппаратом. В этой связи террористические группировки иногда уподобляются стартапам: по наблюдению группы российских исследователей, государственной бюрократической машине они противопоставляют динамизм внутреннего развития и быстроту реакции на внешние перемены⁷. Среди других достоинств неправительственных организаций в целом и вооруженных политических движений в частности ученые упоминают относительную простоту их структуры и близость лидеров к рядовым членам. Наконец, еще одно преимущество парадоксально проистекает из того, что, в отличие от выборных органов, управляющих демократическими странами, у вооруженных формирований нет никаких легальных оснований обладать властью. Дефицит же легитимности нужно чем-то восполнять, а потому запросы и требования населения воспринимаются вооруженными политическими движениями с большей чуткостью. Винтовка рождает власть, но, чтобы удержать ее, необходим еще и «пряник», функции которого исполняет активная социальная политика.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

После захвата Мосула «Исламским государством» три четверти жителей этого города остались в местах своего проживания, причем около 35% из них свидетельствуют, что город в те дни был чище и безопасней, чем при иракской национальной администрации.)

Легитимность означает принятие и признание существующего режима и его действий⁸. Несмотря на то, что в базовых определениях легитимности обычно ничего не говорится о других странах, без международного признания ни один режим, как правило, обойтись не может – если такового нет, то от поддержки, оказываемой собственным населением, толку будет немного. В демократических государствах легитимность приобретает в результате выборов, и это обеспечивает ей приоритетное значение. Все последующие, послевыборные, действия демократического государства опираются на стартовый капитал электорального доверия. Но негосударственные

7 Эта точка зрения представлена, в частности, в работе: Наумкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д. *Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»*. М., 2016. С. 17 (<https://book.ivran.ru/f/dokladblichnij-vostok-v-epohu-ispytaniy.pdf>).

8 Подробнее см.: STILLMAN P. *The Concept of Legitimacy* // *Polity*. 1974. Vol. 7. № 1. P. 32–56.

акторы не располагают изначальным признанием, подтвержденным у избирательных урн, и поэтому его приходится добиваться иными путями. В подобных случаях оправданием властвования становятся неформальные ценности, черпаемые, в частности, из традиции. Это вполне соответствует идее Макса Вебера, который, как известно, наряду с легальным типом политического лидерства, основанным на формальных процедурах, выделял еще два типа – традиционный и харизматический, – в основе которых лежат нерациональные факторы. (Впрочем, и легальный тип *de facto* тоже базируется на неформальных ценностях, просто при нем общественный консенсус узаконен формальным образом; без общей ценностной базы прочность любого такого договора окажется сомнительной.)

Так или иначе, очевидно одно: социальный контракт, не закрепленный официально, располагает гораздо меньшим капиталом легитимности в сопоставлении с социальным контрактом, санкционированным электорально. Именно поэтому в ситуации негосударственных акторов, образно выражаясь, «хвост виляет собакой»: желая закрепиться у власти, они вынуждены обращаться к активной социальной политике. Соответственно, трактовка легитимности в подобной оптике преобразуется: правительство считается легитимным только тогда, когда результаты его действий соответствуют ценностям общества⁹.

Квазигосударственные движения появляются только в тех странах, власти которых слабо контролируют собственные территории и/или не способны удовлетворять базовые потребности населения. Проводимая ими политика избавлена от неформальных ценностей, но при этом поддерживает формальные отношения. Это становится главной причиной их слабости: в большинстве случаев успех вооруженных группировок фиксирует произошедший провал государства. Скажем, в случае оккупации Мосула «Исламским государством» таковой предстала недееспособность иракского правительства, а в случае Сирийского Курдистана (Рожавы) – кризис сирийского режима. Сказанное верно и в отношении негосударственных вооруженных акторов. Так, многие афганцы, в отличие от своего правительства, считают, что их обществу модернизация не требуется – и «Талибан» выражает их умонастроения, поскольку правительство в Кабуле этого не делает. А социально не защищенные шииты, живущие на юге Ливана, ощущают себя маргиналами в собственной стране – и «Хизбалла» помогает им избавиться от комплекса неполноценности, поскольку ведомства в Бейруте с этим не справляются. Согласно теории

9 Ibid. P. 39.

конкурентного управления (*competitive governance theory*), которой придерживается, в частности, Мара Ревкин, повстанческие движения способны наращивать общественную поддержку, более качественно и всесторонне удовлетворяя социальные запросы на подконтрольных им территориях¹⁰. При этом эффективность такой деятельности применительно к квазигосударственным образованиям есть понятие относительное¹¹. Ведь, чтобы преуспеть, вооруженным негосударственным акторам достаточно просто не «проваливаться» так позорно, как это делает правительство, и выглядеть хотя бы чуть более компетентными.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

Повстанческие движения способны наращивать общественную поддержку, более качественно и всесторонне удовлетворяя социальные запросы на подконтрольных им территориях.

«ХИЗБАЛЛА»: ЛЕЧИМ И УЧИМ ВО ИМЯ АЛЛАХА

С самого своего появления на карте мира, состоявшегося в годы Второй мировой войны, Ливан остается страной множественных (и множачихся) социальных расколов. Экономическое неравенство здесь традиционно соседствует с религиозными, этническими, идеологическими размежеваниями. В столь гетерогенном обществе кто-нибудь всегда будет недоволен своим положением, однако в ливанском случае таких недовольных слишком много. Несмотря на то, что движение «Хизбалла» в 1982 году возникло в качестве реакции на израильскую оккупацию юга страны, предпосылки как его появления на свет, так и всей последующей деятельности во многом предопределялись базовыми характеристиками ливанского социума¹².

Первоначальным запросом, на который откликнулась молодая организация, стало элементарное обеспечение безопасности. Разработке полноценной социальной политики, реализуемой движением «Хизбалла» в настоящее время, предшествовали спорадические акции помощи людям с низкими доходами: возникнув, объединение быстро обрело славу покровителя бедняков. После того, как в 1992 году члены движения участво-

¹⁰ REVKIN M.R. *Op. cit.* P. 49 ff.

¹¹ Подробнее об этой относительности см.: KASFIR N., FRERKS G., TERPSTRA N. *Introduction: Armed Groups and Multi-Layered Governance* // *Civil Wars*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 257–278.

¹² О движении «Хизбалла» см.: AVON D., KHATCHADOURIAN A.-T. *Hezbollah: A History of the «Party of God»*. Cambridge: Harvard University Press, 2012; AL-ALOOSY M. *The Changing Ideology of Hezbollah*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.

вали в широко освещаемом СМИ спасении людей после схода лавины, об организации «Хизбалла» знали уже все ливанцы¹³. В 1990-е, когда Ливан начал приходить в себя после долгой гражданской войны, перед движением встал принципиальный вопрос: интегрироваться в политическую систему страны, несмотря на то, что воинствующее крыло шиитов она не очень устраивала, или же вообще игнорировать публичную политику, рискуя превратиться в маргиналов? В итоге «Хизбалла», подобно многим другим военизированным формированиям того периода, преобразовалась в политическую партию. В этом процессе, однако, имелась принципиальная особенность: в отличие от других движений, «Партия Аллаха» оставила при себе свою весьма боеспособную армию, не подчиняющуюся ливанскому правительству. Ее лидеры и сегодня заявляют, что движение управляется из единого центра и в нем нет разделения на военное крыло и политическое¹⁴. Несмотря на то, что «Хизбалла» активно участвует в легальной политике, наличие собственных воинских формирований определенно превращает эту организацию в вооруженного негосударственного актора. Именно на этом основании Израиль, США, Канада, Великобритания и ФРГ считают ливанское движение террористической группировкой, не обособляя друг от друга его вооруженные отряды и парламентскую партию.

Решение официально включиться в политическую жизнь вывело шиитскую организацию на рациональный уровень легитимности, а военные успехи и социальная деятельность стали капиталом, который сделал такую метаморфозу возможной. Найденный четверть века назад рецепт успеха используется до сих пор. В то время как руководитель движения шейх Хасан Насралла регулярно делает воинственные выпады в адрес Израиля, его соратники дополняют барабанную риторику более мирным поведением. Так, шейх Садек Наболси в одном из своих интервью 2018 года рассказывал о желании партии делегировать своих представителей в ливанские министерства – здравоохранения, транспорта, просвещения и общественных работ¹⁵. По его мнению, руководство ведомствами, которые непосредственно оказывают услуги населению, должно продемонстрировать согражданам навыки управления, имеющиеся у движения «Хизбалла» и, соответственно, повысить уровень его поддержки. Позднее, правда, назначение представителя

13 FLANIGAN S., ABDEL-SAMAD M. *Hezbollah's Social Jihad: Nonprofits as Resistance Organizations* // Middle East Policy. 2009. Vol. 16. № 2. P. 124.

14 Подробнее см.: RUDNER M. *Hizballah: An Organizational and Operational Profile* // International Journal of Intelligence and CounterIntelligence. 2010. Vol. 23. № 2. P. 226–246.

15 См.: БЕЛЕНЬКАЯ М. «Русские благодарны "Хезболле" за участие в войне в Сирии» // Коммерсант. 2018. 25 мая (www.kommersant.ru/doc/3642423).

«Партии Аллаха» главой министерства здравоохранения обернулось отказом США помогать Ливану в борьбе с пандемией COVID-19; это, кстати, как раз та ситуация, когда внутренняя легитимность споткнулась об отсутствие признания извне.

Деятельность партии в период пандемии весьма показательна. После того, как коронавирус пришел в Ливан, «Хизбалла» позаботилась о создании дополнительного коечного фонда, укомплектовании больниц необходимым оборудованием, приобретении машин скорой помощи; кроме того, партия привлекла для противодействия вирусу 25 тысяч волонтеров из числа своих активистов. По словам ее лидера, главной целью подобных действий стало облегчение нагрузки, которую испытывала государственная система здравоохранения¹⁶. Хотя движение «Хизбалла» было не единственной негосударственной структурой, проявившей инициативу – в Ливане нашлись и другие акторы, тоже воспользовавшиеся слабостью государства для пропаганды своих социальных программ, – его действия оказались более масштабными и скоординированными, чем у конкурентов. В частности, помимо оказания ситуативной помощи, «Партия Аллаха» уже давно сформировала специальное административное подразделение, отвечающее за разработку и проведение последовательной политики в сфере медицины, – отдел исламского здравоохранения. Если в 1997 году под его началом находились 46 больниц и клиник, то к 2004-му их число увеличилось до 55¹⁷. Более того, несколько государственных лечебных учреждений были переподчинены отделу исламского здравоохранения на том основании, что им практикуется более качественное управление¹⁸.

В глазах населения главным плюсом больниц, которые содержит «Хизбалла», стало более дешевое или вообще бесплатное медицинское обслуживание шиитов, проживающих на юге Ливана. Тот же курс, кстати, реализуется и в курируемых партией аптеках. Разумеется, наблюдатели не могут не задаваться вопросом, за счет чего «Хизбалла» снижает цены на лекарства и медицинские услуги. Согласно некоторым свидетельствам, дешевые препараты ввозятся в Ливан контрабандой из соседней Сирии¹⁹. Иначе говоря, движению удастся убить двух зайцев разом: оно минимизирует свои расходы на добрые дела и одновременно уходит от налогообложения. А это в свою очередь означает, что привилегии одной части общества достают-

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

16 KNECHT E. *Hezbollah Asserts Role in Lebanon's Coronavirus Fight* // Reuters. 2020. April 1 (www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-lebanon-hezbollah-idUSKBN21J537).

17 FLANIGAN S., ABDEL-SAMAD M. *Op. cit.* P. 125.

18 Ibid.

19 См.: GHADDAR H. *Hezbollah Has Created Parallel Financial and Welfare Systems to Manage the Current Crisis*. Washington, D.C.: The Washington Institute for Near East Policy, 2020 (www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/hezbollah-has-created-parallel-financial-and-welfare-systems-manage-current-crisis).

ся за счет других его сегментов – в будущем это может только усугубить социальный раскол.

Столь же активно движение «Хизбалла» и в своей образовательной политике. Ливанская система образования подразделяется на государственный и частный сектора, но, поскольку качество образования, предоставляемого государственными школами, оставляет желать лучшего, ливанские родители стараются устраивать своих детей в частные школы. При этом, естественно, стоимость обучения в частной школе далеко не всем по карману. Реагируя на имеющийся общественный запрос, отдел образования «Партии Аллаха» дает возможность представителям шиитского меньшинства обучать своих детей в частных школах за меньшую стоимость, подкрепляя это еще и стипендиальной программой для одаренных учащихся из бедных семей. Студенты частных школ, которым покровительствует «Хизбалла», на выпускных экзаменах показывают стабильно высокие результаты, что выгодно отличает их от выпускников государственных школ²⁰. Директор британского Центра ливанских исследований Маха Шияб говорит, что при выборе школы родители предпочитают руководствоваться качеством обучения, а не идеологическими установками²¹. Такая ситуация способствует популяризации партии среди представителей других конфессий.

Несмотря на то, что «Партия Аллаха» обладает выраженной конфессиональной и социальной идентичностью, а ее услуги приоритетно адресованы определенному слою ливанского населения, представители других социальных групп так же могут пользоваться предлагаемыми ею сервисами. С борьбой за места в парламенте и в правительстве эксклюзивность в социальных делах никак не сочетается. Как неоднократно повторялось руководителями движения, «Хизбалла» стремится достучаться до людей; человеческий ресурс для движения важен не меньше, чем его военная мощь. Развитая социальная структура и постоянная работа над ее совершенствованием предназначены для того, чтобы вырастить поколение преемников нынешних активистов – образованных и идейных молодых людей, готовых в недалеком будущем пополнить ряды партии. Нынешняя «Хизбалла» ориентируется уже не столько на молчаливую поддержку населения, сколько на мобилизацию активных сторонников.

20 *Hizbollah Mahdi Schools Mix Maths with Doctrine* // The Financial Times. 2013. October 20 (www.ft.com/content/e0be1122-2695-11e3-9dc0-00144feab7d).

21 Ibid.

«ТАЛИБАН»: СОЗДАТЬ ПРОБЛЕМУ – И ПРОДАТЬ РЕШЕНИЕ

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

Начавшаяся в конце 1970-х затяжная война с советской интервенцией и пришедшие затем междоусобицы полевых командиров не только разрушили материальную инфраструктуру Афганистана, но и сломили его население морально. Люди отчаянно хотели порядка и мира, а движение «Талибан» с самого своего основания в 1994 году заявляло о намерении восстановить стабильность и спокойствие на афганской земле. Организация, созданная бывшими студентами-клириками, с надеждой и воодушевлением была встречена афганским социумом, поскольку ее цели соответствовали ожиданиям общества²². Симпатии к талибам и пропагандируемым ими ценностям оказались настолько глубокими, что афганцы в основном даже простили им бездарную пятилетку пребывания у власти, длившуюся с 1996-го по 2001 год. Сегодня они вновь превратились в мощную силу, на равных разговаривая с кабульским правительством и поддерживающими его иностранными державами.

«Талибан» – военизированное движение, а его ряды укомплектованы вооруженными людьми. Соответственно, разрабатываемый им политический курс определяется в первую очередь военными нуждами, одной из которых является необходимость обзавестись поддержкой гражданского населения. Организация иерархична, однако талибские управленцы на местах обладают широкой свободой действий в реализации установок, разрабатываемых руководством «Талибана»: если некоторые из них применяются буквально и полностью, то другие реализуются лишь частично или вовсе игнорируются. Такой элемент самоуправления обусловлен глубокой неоднородностью афганского населения. Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше местных кланов, «Талибан» к настоящему времени перестал быть движением, ориентированным на пуштунские племена, каким являлся изначально. И, хотя в организации пуштуны по-прежнему составляют большинство, лидеры других этнических групп если и не примыкают к «студентам», то с готовностью взаимодействуют с ними.

Подобная управленческая модель довольно эффективна, так как реализация «вертикальных» и унифицирующих схем в Афганистане затруднена из-за языкового разнообразия. Кроме того, задействованные в ней лидеры из числа местных жителей с большей вероятностью могут рассчитывать на под-

22 О движении «Талибан» см.: RASHID A. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven: Yale University Press, 2010; NOJUMI N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War and the Future of the Region*. New York: Palgrave, 2002.

держку земляков, а это привлекает дополнительные симпатии к «Талибану» в целом. Нынешняя расстановка военно-политических сил не позволяет руководить всей машиной движения из единого центра, а жесткое насаждение однотипной повестки способно оттолкнуть массы. В таких условиях делегирование полномочий становится не прихотью, а необходимостью. Вместе с тем видеть в руководстве «Талибана» федералистов не стоит: если движению вновь доведется оказаться у руля управления Афганистаном, то его лидеры скорее всего откажутся от децентрализации ради создания единой уммы.

Цель движения предполагает не просто завоевание власти, но установление исламского режима. Согласно мусульманским представлениям, то или иное происхождение правоверного вовсе не мешает единству уммы, а своеобразной «стяжкой», скрепляющей непохожие друг на друга группы, выступают религиозные институции. Именно по этой причине во время прежнего пребывания «Талибана» у власти муллам отводилось подчеркнуто высокое место в общественной иерархии²³. Другая причина их возвышения состояла в апелляции к исламу как к универсальной ценностной базе – к тому общему, что объединяет весь афганский народ. Однако, как представляется, реализация национального единства на религиозной базе грозит маргинализацией местным шиитам.

После прихода к власти проведение социальной политики вполне логично оказалось для талибов обязанностью, которую они добросовестно, хотя и своеобразно, выполняли. Международного признания в 1996–2001 годах их режим не получил, но движению удалось выйти на новый уровень влияния²⁴. В последующий период, вновь превратившись в негосударственного актора, оно продолжило заниматься социальной политикой. Первым серьезным обращением к ней, состоявшимся через четыре года после выдворения боевиков-талибов из Кабула, стало обнародование в 2005 году лидером движения, муллой Омаром, так называемой Лайхи – инструктивно-го послания к членам движения, затрагивавшего различные практические темы. Многие пункты этого документа были посвящены ведению войны, применению норм шариата и разрешению споров²⁵. Этот демарш оказался весьма действенным: афганцы до сих пор гораздо охотнее обращаются за разрешением споров к суду «Талибана», поскольку, в отличие от

23 Подробнее см.: GIUSTOZZI A. *The Taliban beyond the Pashtuns* // The Afghanistan Papers. 2010. № 5. P. 2–15.

24 Подробнее об этом периоде см.: RASHID A. *Op. cit.*

25 См.: МУНИР М. *Лайха для моджахедов: анализ кодекса поведения боевиков «Талибана» в соответствии с правом ислама* // Международный журнал Красного Креста. 2010. № 880–881. С. 223–248 (<https://cyberleninka.ru/article/n/layha-dlya-modzhahedov-analiz-kodeksa-povedeniya-boevikov-talibana-v-sootvetstvii-s-pravom-islama>).

государственных судов, он основан на шариате, более скор и не подвержен коррупции²⁶.

В области здравоохранения и образования талибы преуспели гораздо меньше – прежде всего из-за упорного стремления полностью исключить женщин из общественной жизни. Поскольку женщины преобладали как среди педагогов, так и среди врачей, реализация в 1996–2001 годах отстаиваемых моджахедами принципов завершилась упадком и образования, и медицины. Сейчас, однако, движение «Талибан» подходит к гендерной теме более гибко: часть женских кадров вернулась на рабочие места. Большинство афганских больниц находится в совместном ведении официального правительства и повстанцев: их управлением занимается «Талибан», а материальное обеспечение остается за центральными властями²⁷. Даже в районах, контролируемых «Талибаном», для девочек снова открылись школы – правда, только до пубертатного возраста. Девочки постарше обязаны продолжать обучение отдельно от мальчиков. Подобных школ, однако, не хватает, и продолжать учебу могут лишь немногие юные афганки – несмотря на отсутствие прямого запрета на обучение, исходящего от талибов. Тем не менее провал в обеспечении базовой социальной потребности нивелируется низким спросом на девичьи школы, демонстрируемым самим населением²⁸. Женское образование никогда не было приоритетом в сельской местности, и поэтому, отсылая к одному из упомянутых выше определений легитимности, можно сказать, что результат реализуемой моджахедами образовательной политики вполне согласуется с ценностями большей части афганцев.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

**Большинство афганских больниц находится
в совместном ведении официального правительства
и повстанцев: их управлением занимается
«Талибан», а материальное обеспечение остается
за центральными властями.**

«Талибан» также начал работу, нацеленную на обеспечение безопасности населения. В прежние времена мирные жители не только становились случайными жертвами военных операций, осуществляемых группировкой, но зачастую оказыва-

26 WARD C., ABDELAZIZ S., QURAIISHI N. *36 Hours with the Taliban* // CNN Exclusive Report. 2019 (<https://edition.cnn.com/interactive/2019/02/middleeast/36-hours-with-the-taliban-intl/>).

27 Ibid.

28 Шукрия Баракзай: *Присутствие женщин в государственном управлении не должно быть символическим* // Afghanistan.ru. 2020. 20 февраля (<https://afghanistan.ru/doc/136805.html>).

лись их главными мишенями. В 2019 году лидеры «Талибана» заявили, что считают весь Афганистан своей землей, а всех афганцев своим народом и поэтому работники образования и медицины, а также прочие государственные служащие больше не рассматриваются ими в качестве целей для атак²⁹. Ранее педагоги, особенно занимавшиеся совместным обучением мальчиков и девочек или допускавшие отступления от доктринальных принципов, проповедуемых «Талибаном», нередко гибли от рук боевиков. Под прицелом оказывались также политические активисты и государственные служащие, участвующие в электоральной легитимации кабульского режима: кандидаты в депутаты, сотрудники избирательных комиссий и им подобные, риски для которых сейчас тоже снизились. Однако, согласно установкам талибов, на судей и высокопоставленных государственных чиновников понятие «мирных граждан» не распространяется – они до сих пор в опасности. Страдают и предприниматели, работающие на подконтрольных талибам территориях или просто пересекающие их транзитом: во избежание неприятностей им приходится платить боевикам³⁰. Это своеобразный налог на безопасность, которую боевики, в отличие от властей, способны обеспечивать.

Безопасность простых афганцев находится в центре внимания особого органа, созданного талибами, – комиссии по предотвращению гражданских жертв и рассмотрению жалоб. Ее официальная задача заключается в оперативном реагировании на жалобы мирных обывателей, касающиеся безопасности. Этот орган решает и менее заметную задачу: используя обращения граждан, руководство «Талибана» дисциплинирует собственных бойцов. Наконец, талибы регулярно представляют мировому сообществу свою версию того, что происходит в стране. Занимаясь этим, «Талибан» публично реагирует на отчеты о работе миссии ООН в Афганистане (United Nations Assistance Mission in Afghanistan – UNAMA), представляя альтернативные данные о жертвах, где пострадавшие от действий боевиков и от действий правительства подсчитываются раздельно³¹. Помимо желания придать образу группировки большую человечность, за такой щепетильностью скрывается желание дискредитировать, насколько возможно, центральные власти и их курс.

Социальную политику «Талибана» трудно назвать успешной, но в условиях низкой конкуренции со стороны государ-

29 См.: JACKSON A., AMIRI R. *Insurgent Bureaucracy: How the Taliban Makes Policy*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2019 (www.usip.org/sites/default/files/2019-11/pw_153-insurgent_bureaucracy_how_the_taliban_makes_policy.pdf).

30 См.: <https://riafan.ru/1350259-kak-zarabatyvaet-taliban>.

31 *UN Assistance Mission in Afghanistan. Afghanistan: Annual Report 2012, Protection of Civilians in Armed Conflict*. Kabul, 2013 (www.refworld.org/docid/512b26a92.html).

ства талибам есть что предложить. Движение удовлетворяет нематериальные ценностные запросы, которые не в состоянии удовлетворить власти в Кабуле, прежде всего в особой идентичности, исламской идеологии и безопасности. Афганцы, по-видимому, не готовы отказаться от клановых маркеров в пользу общенациональной идентификации, а мусульманская религия выступает оплотом стабильности во взбаламученной стране. С безопасностью дело обстоит еще сложнее: движение «Талибан» сначала создало проблему, обеспокоившую весь мир, а теперь пытается продать заинтересованным сторонам ее решение. Спровоцировав собственными действиями внешнюю интервенцию, оно сегодня активно эксплуатирует общественное недовольство иностранным военным присутствием на афганской земле.

МАРГАРИТА МЕДВЕДЕВА
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ДВИЖЕНИЙ «ТАЛИБАН»
И «ХИЗБАЛЛА» КАК СПОСОБ
ИХ ЛЕГИТИМАЦИИ

Социальную политику «Талибана» трудно назвать успешной, но в условиях низкой конкуренции со стороны государства талибам есть что предложить. Движение удовлетворяет нематериальные ценностные запросы, которые не в состоянии удовлетворить власти в Кабуле.

* * *

Представленные кейсы были отобраны исходя из их сходства: оба движения – и «Хизбалла», и «Талибан» – признаны террористическими в разных странах; оба возникли в последней четверти XX века, но до сих пор активны; оба имеют управленческий опыт в качестве как официальной власти, так и негосударственного актора. В ряду других сходств можно указать на ситуацию гражданской войны в странах, где движения зародились. Военные конфликты создали хаос, в котором возникли вооруженные группировки, а социальные расколы и размежевания не позволили укрепить легитимным и легальным государственным структурам. Отсюда возник спрос на удовлетворение самых простых и насущных социальных нужд. В свое время Усама бен Ладен описывал становление исламского государства как процесс, состоящий из трех шагов: создание радикалами «зоны хаоса», устраняющей государственный контроль; превращение радикальных организаций в источник стабильности, безопасности, благополучия населения, обеспечивающий поддержку масс; учреждение исламского государ-

ства на подконтрольных территориях³². Этот сценарий разыгрывался уже не раз. Причем если в случае с «Талибаном» эволюция была хрестоматийной, то путь «Хизбаллы» оказался сложнее, так как Ливан исторически стабильнее, а его институты более развиты – и, следовательно, спрос на публичную политику выше. В итоге по мере своего взросления «Партия Аллаха» отказалась от планов построения мусульманской теократии в многоконфессиональной стране, чего «Талибан» не сделал и никогда не сделает.

Важнейшим запросом общества, на который откликается социальная политика негосударственных вооруженных акторов, выступает требование безопасности. Поскольку в обеих странах главным источником угрозы население считает иностранных военных, оба рассмотренных движения делают основными объектами своей риторической и практической агрессии именно их, а также сотрудничающих с ними местных. Иначе говоря, первопричиной террористических вылазок, как ни прискорбно это признавать, оказывается, наряду с жестокостью и бесчеловечностью их исполнителей, запрос на подобные действия, формулируемый обществом. Исходя из этого простое устранение негосударственных вооруженных акторов с политической арены – иначе говоря, их гипотетический военный разгром – ничего не решит, поскольку едва ли изменит общественные настроения. В этом случае на смену низвергнутому врагу «мира и стабильности» на Ближнем Востоке придут новые враги – возможно, еще более могучие и опасные.

32 См.: SOUFAN H. *Anatomy of Terror: From the Death of bin Laden to the Rise of the Islamic State*. New York: W.W. Norton & Company, 2018.